

Известия — 2001 — 18 июня — С.Р.

Сокуров-2001

К 50-летию режиссера

Создатель «Тельца» отметил свое 50-летие премьерой фильма на сочинских берегах. В юности его окрестили вторым Андреем Тарковским, но он быстро стал первым Александром Сокуровым. И единственным, пока не имеющим даже эпигонов. Потому что никто не трактует, как он, само понятие «кино».

Валерий КИЧИН

Общение с миром

К юбилею он сделал свой лучший фильм. Самый концентрированный и художественно цельный. На Западе «Телец» вызвал раздражение, в России даже противников сокуровского стиля заставил предположить, что они имеют дело с чем-то большим, чем кино. Сокуров относится к экрану как к способу медитировать — познавать мир через ощущения. Камера может замереть на три, пять, семь минут — вечность по киношным понятиям. И на экране будут двигаться люди, открывать какие-то ящики, что-то высматривать — а в нас будет накапливаться ощущение («Дни затмения»). «Я учусь у живописи и литературы — кинематографический опыт мне неинтересен... Я с помощью камеры с миром общаюсь».

Родившееся из фотографии кино запечатлевает вещный мир. Сокуров сам оператор и потрясающе умеет снимать дерево, облака, поле, плоть, что и продемонстрировал в «Тельце». Но его объект здесь — нечто бесплотное: предсмертные конвульсии некогда могучего ума, истраченного на партийные интриги и насилие. Тело беспомощно, а мозг еще тяжело ворочается, корчится в судорогах, мы ощущаем хаос остаточных электрических разрядов, которые в нем проска-

кивают, отражаясь на морщинах детского лица.

Сокурова всегда интересовала тайна смерти («Мать и сын», «Круг второй»): физиологические процессы отделяются от духовных и возникает жуткий анатомический театр, где видны все прожилки того, что было жизнью. В картине о Ленине он достиг античной чистоты и мощи эксперимента: сделал видимыми связи между содеянным и возмездием, в которое он, судя по всему, мрачно верует.

Роковая цепочка

Рассказывает Виктор Сергеев, режиссер и продюсер. «Меня потрясло высказывание Сокурова в телеинтервью — в эфир оно не попало. Если бы мать Владимира Ульянова в свое время собрала семью и сказала бы детям: Александр задумал убить царя, а это грех, потому что царь — человек, — возможно, история повернулась бы иначе и мы бы не имели кошмара, в который обратилась Россия».

Детерминированность истории, цепь взаимозависимых, чем-то уже предрешенных событий определяет фатализм его картин. Это «что-то», ключевое и решающее — нравственный выбор. Сокуров как бы идет против течения кинопроцесса: «В Европе культурная традиция — анализ. У нас — синтез. Анализом нельзя постичь Достоевского — он существует в единстве.

Западу трудно понять, что зло заурядно и неромантично. И потому путь Запада не гарантирует от падений — нацизм родился именно в рамках европейской цивилизации».

Все это касается, конечно, России — все его фильмы о ней, даже «Молох»: «В социальном и ментальном смысле мы очень предрасположены к нацизму. Социальное унижение людей, падение культуры. Нежелание думать, стремление перевалить свои гражданские обязанности на чьи-то плечи. Русские люди как бы государственники, все время об этом говорят. Но никогда об этом не думаю. Странно. И очень тревожно».

Молох власти

Сокуров теперь болен темой власти. «Почему власть, попав в руки человека, всегда приводит к его интеллектуальной и моральной деградации? Только потому, что приближение к власти всегда сопровождается насилием, и оно всегда за пределами морального выбора? Вопросы власти для российского сознания мучительны. Нигде жизнь человека не зависит так от властей, как у нас, нигде вопрос власти не носит столь глубоко личный характер для каждого».

Он говорил об этом на пресс-конференции в Канне, а журналисты не могли понять, как можно низводить историческую личность Ленина до уровня банального быта. Такое же недоумение вызывал фильм о Гитлере — «Молох». «Политизация общества, современная политическая практика — я ненавижу все это, — объяснял Сокуров. — Политики делают заурядные люди, они

Сокуров и герои «Тельца» на пресс-конференции в Канне-2001

более банальны, чем мы с вами. И мы сильно заблуждаемся, полагая, что исторические решения приходят в результате серьезного анализа реальности. На самом деле они почти всегда идут от характера, эгоизма, стихийного и необузданного нрава людей некомпетентных и безграмотных».

Журналист: «Но я не понял, как вы относитесь к итогам деятельности этого человека — Ленина».

Сокуров: «А что вы хотите понять? Вы же знаете, к чему все это пришло». И добавил: «Слушайте себя, и вы все поймете».

Он не раз говорил о кино как о насилии над зрителем — навязывании ему авторской композиции, музыки, сюжета, ритма. Он насилия не хочет ни в чем:

«Я пытаюсь добиться, чтобы меня было как можно меньше. Как в литературе, которая дает человеку все степени свободы. Кино воспитывает глобальную лень — души, совести, мозга».

Если есть на свете абсолютный антипод кинокоммерции — это он.

Он откуда и куда

Сибиряк, по первому образованию историк. Во ВГИКе учился научно-популярному кино у Александра Згуриды, пока не снял дипломный фильм «Одиноким голос человека» по Платонову — руководство института трусило, пленку хотели уничтожить. С той поры Сокуров не делает разницы между кино документальным и «художествен-

ным» — снимает, как видит и чувствует. Вот некоторые из его картин. «Дни затмения». «Скорбное бесчувствие». «Элегия». «Спаси и сохрани». «Духовные голоса». Тетралогия о жизни и смерти: «Круг второй» — «Камень» — «Тихие страницы» — «Мать и сын».

Его нынешняя диалогия о людях власти тоже станет тетралогией. Новая картина будет о японском императоре Хирохито, которого нет в наших энциклопедиях, но который во многом определил ход XX века. Завершится серия вечной историей Фауста — из Гете и Томаса Манна.

P. S. Использованы материалы бесед автора с Александром Сокуровым и пресс-конференции в Канне 2001 года.